

Экономика

ЦНСИ
Центр Независимых
Социологических Исследований
Санкт-Петербург

НЕФОРМАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

РОССИЯ И МИР

Редактор

Теодор ШАНИН

Перевод и редактирование
И.Давыдовой, Е.Ковалева, А.Никулина

Москва • «Логос» • 1999

Виктор Воронков

За пределами публичного пространства (рефлексия социолога)

Практически во всех своих исследованиях я сталкиваюсь с одной и той же проблемой, которая заставляет меня ставить под сомнение принятые взгляды на роль социолога в процессе исследования и пересматривать привычные представления о социальной реальности. Речь идет о том, что социолог обычно игнорирует тот факт, что доступное его исследованию поле весьма ограничено, а интерпретация полученных данных сложна и коварно обманчива. Поэтому возникает соблазн ограничиться доступным и поверхностным, а интерпретацию результатов свести к приписыванию собственных смыслов чужим действиям. Подлинная же реальность самих наблюдаемых людей остается исследователю неизвестной, да он и не ставит перед собой сложных задач понимания *другого*. Наши исследования стратегий выживания населения в современной России помогли прямо сформулировать проблему, без решения которой социологи – наряду с политиками и масс-медиа – будут продолжать активно участвовать в развитии мифов и распространении катастрофического сознания. Мы являемся свидетелями возникновения некоего пространства социологической реальности (не имеющего отношения к реальности социальной), в котором сформированные мифы и артефакты получили характер аксиом и не подвергаются сомнению. В рамках текущей дискуссии новая "советология" (создаваемая уже самими российскими учеными в виде какого-нибудь "россиеведения") растет как

снежный ком на базе перекрестных ссылок на уже опубликованные статьи и выступления.

Я не хочу рассуждать о ставшей традиционной ангажированности социологов, которые способствуют созданию и укреплению мифов, существенно искажающих понимание происходящего сегодня в стране. Поэтому для того чтобы читатель смог критически оценить информацию, ему необходимо проанализировать не только то, что пишет тот или иной автор, но и то, какую публичную цель он перед собой ставит, "против кого" он пишет.

Проблема интерпретации полученных данных, разумеется, является самой важной в социологическом исследовании. И не может не вызывать огорчения тот факт, что мыслящие в терминах катастрофы исследователи распространяют свои представления на все общество, так что в подавляющем большинстве публикаций состояние общества описывается как катастрофическое. Средства массовой информации в своем пристрастии к катастрофическим сценариям нагнетают социальную истерию, игнорируя реально существующие позитивные изменения. Они оказывают сильное влияние на саму научную дискуссию, и ее моральный уклон обеспечен перевесом журналистской информации при отсутствии фундаментальных данных.

Эта проблема возникала у нас при изучении трансформации института науки в сегодняшней России (все вроде бы свидетельствует о катастрофическом положении ученых и самой науки, а непосредственное наблюдение опровергает представления, ставшие аксиоматическими), и при исследованиях бедности (фиксируемое катастрофическое сознание и "объективная" нищета значительной части населения на фоне, вроде бы, необъяснимого, но явно наблюдаемого повышения благосостояния того же самого населения), и при анализе безработицы (на фоне разговоров о "реальной" и скрытой безработице трудно уловимая для социолога сверхзанятость тех же "безработных"), да и во всех прочих исследованиях без исключения.

Разбираться в подобных нюансах следует хотя бы потому, что сложно однозначно ответить, например, на вопросы: "Какова сегодня социальная ситуация?"; «Какие социальные группы "выиграли" в процессе трансформации, а какие "проиграли"?»; "Каковы тенденции в дифференциации общества и как оценивать растущие различия в дифференциации доходов?"; «Какие масштабы имеет "обнищание широких масс населения"?» и т.п.

Ответы на такого рода вопросы необходимы при оценке перспектив российских реформ, поскольку они касаются важнейшей проблемы существования критической границы, ниже которой обнищание населения приведет к социальным беспорядкам и вынужденной замене реформистской стратегии на популистскую.

Основным источником получения сведений для аналитика — если отвлечься от прямых спекуляций на расхожих представлениях о социальной ситуации в российском обществе — являются данные статистики и результаты социологических исследований (в основном, массовых опросов). Насколько помогают эти источники понять происходящие в обществе процессы?

В СССР статистика играла важную идеологическую роль. Большая ее часть была недоступна, поскольку по идеологическим причинам имела всевозможные ранги секретности (наиболее распространенный гриф назывался "для служебного пользования"). Однако достоверность как доступной, так и секретной статистики была исключительно низкой, серьезный социолог практически не мог ею пользоваться. Известны исследования, в которых доказывается, что ошибка в публикуемых данных достигала 300%(!) в ряде отраслей (сельское хозяйство, вооруженные силы).

Хотя цифры для статистической отчетности в советское время и брались часто "с потолка" или осознанно искажались, однако система организации статистики вполне действовала, уклониться от предоставления отчетности было трудно. Сегодня сама статистическая служба России находится в экономически тяжелой ситуации. Кроме того, Государственному комитету Российской Федерации по статистике приходится иметь дело не со 140 министерствами, как это было при социализме, а чуть не с тысячами лиц. Это требует новых методов давления на тех, кто

се и научных публикациях разброс масштабов нерегистрируемой экономики варьируется от 20 до 60%. Но и самые убедительные экспертные заключения не помогают прояснить места неформальной деятельности в жизни людей и предприятий. В любом случае, имея представление о том, какова практика сбора статистических сведений, можно утверждать, что статистика является главным поставщиком артефактов для политизированной дискуссии о российском обществе.

Другой источник данных, на который привычно опирается аналитик, представляет собой результаты массовых опросов, возможность интерпретации которых часто вызывает сомнения. Игра с цифрами, показатели корреляции с тремя знаками после запятой, придающие "научность" любой глупости, заслоняют собой размышления о смысле, стоящем за полученными в опросах ответами. Ряд обстоятельств заставляет осторожно относиться к публикуемым результатам.

Можно, конечно, дискутировать о нюансах построения выборки при массовом опросе. Ведь вопрос о выборке встает уже потому, что результаты, полученные разными исследователями по поводу одного и того же объекта, в высшей степени противоречивы. Это связано, на мой взгляд, с двумя причинами.

Во-первых, вызывает большие сомнения то, что в современном российском обществе социальные группы — одного из оснований выборки — формируются по тем же критериям, что и в советское время. Я бы смел утверждать, что различия в стилях жизни и ценностные установки внут-

методов (участвующее наблюдение, нарративное интервью), легко продемонстрирует, что такое понимание является иллюзией.

Сомнения в применимости традиционных социологических методов (массовые опросы) к анализу сегодняшних реалий усиливаются с каждой новой публикацией результатов исследований. Вот, например, данные авторитетного российского института ВЦИОМ об ответах на вопросы об экономическом положении в России, в городе или селе, где живет респондент, в семье самого респондента. Подавляющее большинство (около 70%) уверено, что в России господствует бедность. Не столь безапелляционны утверждения о бедности в собственном городе (около 60% респондентов). Собственную же семью к бедным отнесло около 50% опрошенных.

Эти наглядные данные (которые сами по себе мало что могут прояснить по поводу самого экономического положения) позволяют выдвинуть гипотезу, согласно которой представления людей о ситуации вне их собственного жизненного опыта формируются масс-медиа, откуда и черпаются сведения для "достаивания" своего реального мира. Поэтому драматизация положения в стране не должна вызывать удивления. Однако оценить масштабы бедности в собственном городе люди, естественно, способны более адекватно, хотя и находятся под сильным влиянием "общественного мнения". Собственное же положение, как мы видим, оценивается еще благополучнее.

Беседы с нашими информантами дают основания предположить, что респонденты в опросах к тому же достаточно лукавят, занижая свой жизненный стандарт ("Неудобно говорить, что у меня все хорошо, когда Россия голодает!"). При этом сохраняется и советская привычка "прибедняться", оставшаяся от времен, когда отклонения от более или менее равного для всех материального стандарта вызывало опасное подозрение в нетрудовых доходах. Информанты, доверявшие социологам, в свободных интервью часто находили свое положение вполне благополучным, однако подчеркивали, что они, вероятно, "исключение".

Примерно так же трудно по опросам (или статистике) интерпретировать ситуацию с безработицей. Муширование темы "скрытой безработицы" позволяет создать впечатление, что невысокие показатели безработицы (официальной) в С.-Петербурге, например, она колеблется в пределах от 1 до 1,5%) далеки от "реального" катастрофического положения с занятостью. Одновременно из поля зрения дискутирующих обычно выпадает тот факт, что подавляющее большинство и работающих, и безработных заняты также и в нелегальной сфере, извлекая дополнительные (а часто и основные) доходы из неформальной экономики. Российская статистика занятости "теряет" миллионы людей, которые исчезают из совокупности

официально работающих, но не встают на учет на биржах труда. Независимо от формального статуса в отношении занятости люди, осознав, что прежняя привычная экономическая стратегия (работать как можно меньше за небольшую, но зато всем гарантированную и примерно равную зарплату) потеряла свою эффективность, успешно реализуют новые экономические стратегии, как правило, в неформальной экономике.

Опыт наших исследователей хорошо показывает, что любые опросы, затрагивающие столь деликатные темы как, например, деятельность в неформальной сфере экономики, заведомо обречены на неуспех. Как бы социолог не изоцирился в попытках задать эффективный вопрос, ответы будут неинтерпретируемы. С этой точки зрения, наиболее "глубокие" аналитические разработки создают своей "научностью" и наиболее устойчивые артефакты (Перова И., Хахулина Л. 1997; Они же. 1998. С. 29-31).

Наивно представлять, что респонденты готовы искренне ответить на вопросы, например, о доходах вообще, не говоря уже о нелегальной деятельности. Это касается как населения, так и, разумеется, предприятий, каждое из которых значительную часть (а часто и почти полностью) ведет свою деятельность вне сферы государственного контроля. Даже формальную финансовую отчетность социологу здесь получить трудно. В исключительных случаях возможно получить представление о бухгалтерии для "крыши", в которой учитывается часть деятельности в неформальной экономике. Но что-то я не слышал, чтобы кому-то из социологов (или экономистов) удалось анализировать финансовую отчетность, сделанную "для себя".

Вместе с тем в доверительных беседах с информантами выяснилось, что они плохо понимают, о чем идет речь в вопроснике, и даже при всем желании с трудом могут оценивать свои доходы. Не говоря уже о таких вещах как натуральные доходы, помощь со стороны, бартер и обмен услугами, людям трудно учесть все связанное с нестабильностью, нерегулярностью, случайностью в российском обществе (в том числе, с инфляцией, задержками оплаты их труда и т.д. вплоть до валютного обращения). Наши совместные с доверяющими нам информантами подсчеты показывали, что даже только реальные денежные доходы могли в 3-5 раз превышать первоначальную сумму, названную при ответе на "наивный" вопрос типа ВЦИОМовского. Кроме этого, мне представляется, что отнюдь не "8% опрошенных" (Перова И., Хахулина Л. 1998. С. 30) заняты в неформальной экономике. За последние годы нам почти не встречались информанты, которые не получали бы нелегальных доходов.

В дискуссии на предложенную тему есть очень важная, на мой взгляд, сторона проблемы, позволяющая по-новому взглянуть на обсуждаемые

здесь вопросы. Речь пойдет об особенностях советского общества, ускользающих от внимания аналитиков, но во многом объясняющих трудности интерпретации данных, полученных социологами.

Представляется, что особенности социализации в советском обществе по-новому ставят перед исследователем проблему "достоверности" информации, извлекаемой не только из анкетных опросов, но и из интервью и публичного пространств, имевшего для советского человека важные смыслы, отличные от привычных представлений западных людей. Социологический анализ вне учета тех правил, которые были выработаны в процессе развития этих сфер, дает искаженное объяснение социальных действий.

В течение последних десятилетий сфера деятельности людей, регулируемая правом обычая, стала абсолютно преобладать над сферой, регулируемой писанным правом. Хотя в любом современном обществе существует подобное разделение правового пространства, однако характерное для СССР доминирование права обычая привело к фундаментальным сдвигам в общественной жизни.

Российский политолог, акцентировавший внимание на этой особенности, Олег Вите отметил, что легитимность права обычая подрывала легитимность писанного права. Поэтому существовал механизм сдерживания распада общества: деформация правового пространства "уравновешивалась" деформацией пространства коммуникативного.

В собственно публичной (официальной) сфере обсуждение того, что попадало под действие права обычая, было табуировано. Весь гигантский прирост разнообразия социальной жизни в постсталинское время, регулируемый главным образом правом обычая, допускался в публичную сферу не иначе, как, например, в виде проблемы борьбы с "пережитками капитализма" (Вите О. 1996. С. 58-71). В публичной сфере жизнь советских людей выглядела утопией, никак не согласующейся с их повседневным опытом. Зато в другой сфере — назову ее "приватизированной публичной" — обсуждать можно было при определенных условиях практически все. Каждый советский гражданин жил и действовал в обеих сферах и не путал правила, столь различные в официальном публичном и приватизированном публичном пространствах.

Что следует из этих рассуждений для исследователя неформальных процессов в обществе? Представляется, что для любого информанта, социализированного в советском обществе, общение с социологом является фактом публичной сферы. В его понимании социолог всегда приходит из публичности. Поэтому информант руководствуется правилами,

которые он привык соблюдать в публичной сфере. Он знает, как и что следует обсуждать (как уже отмечалось, публичная сфера для советского человека — не место обсуждения "реальной жизни").

Таким образом, социолог, пытающийся, например, исследовать уровень жизни российских граждан, получит обстоятельные сведения о низкой заработной плате на *формальном* месте работы, о нерегулярности ее выплаты, об официальных пособиях или пенсии, о высоких ценах и нехватке указанных средств на поддержание прежнего материального стандарта. Однако о своей нелегальной занятости или дополнительных доходах (которые часто являются основными), получаемых в неформальной экономике, информант умолчит. И не из-за каких-то осознанных опасений, а именно из-за *неуместности* обсуждения в публичном пространстве реальных жизненных стратегий. (Важно отметить, что те информанты, которым не исполнилось еще 30 лет, свободно говорят на все темы, так как их вторичная социализация проходила уже в постсоветских условиях.) Только хорошо знакомому ему лично и завоевавшему его доверие социологу информант расскажет (и это станет для него акцией уже в другом пространстве — приватизированном публичном) о своей реальной повседневности.

Я мог бы привести массу любопытных примеров на эту тему из личного опыта исследователя, но ограничусь лишь одним, наиболее показательным. В процессе исследования формирования русскоязычной ("советской") общины в эмигрантской среде Берлина, где именно неформальные экономические процессы играют огромную роль, мой знакомый информант встретил меня сообщением, что недавно его интервьюировал немецкий социолог. На вопрос, что именно мой знакомый ему рассказал, я получил "естественный" ответ: "Не беспокойтесь, я рассказывал все как надо!"

Социолог, который озабочен не политическими играми или "высокой теорией", а хочет получить ответы на естественные для него вопросы, почему люди действуют так или иначе, неизбежно приходит к выводу о неадекватности привычно применяемых методов. Понимание реальных людей возможно лишь при условии длительной и кропотливой полевой работы в изучаемой социальной среде, где исследователю приходится частично ресоциализоваться, чтобы добиться этого понимания. Отсюда и необходимость преимущественного использования важнейшего, на мой взгляд, метода социологического исследования — участвующего наблюдения, который может быть успешно дополнен нарративными интервью.

Центр независимых социологических исследований в С.-Петербурге начал подобные исследования еще в начале 90-х годов, когда мы заин-

тересовались стратегиями выживания россиян в условиях быстрых социальных и экономических изменений. С анализом процессов в неформальной экономике связан ряд реализуемых сегодня проектов. Так, в поддержанном Фондом Мак-Артуров исследовании "этнического предпринимательства" социологи, получившие доступ в среду торгующих на рынке азербайджанцев (Ольга Бредникова и Олег Паченков) и армянских обувщиков (Сергей Дамберг и Елена Чикадзе), описывают и анализируют связь формальной и неформальной экономики на примере добровольных и вынужденных стратегий поведения мигрантов с Кавказа в "этнических" экономических нишах. В другом проекте исследуются в том числе стратегии экономического поведения жителей на эстонско-русской границе (Ольга Бредникова и Елена Никифорова), которые связаны с самим фактом существования новой границы и реализуются, в основном, в неформальной сфере (нелегальная торговля и услуги через границу, мелкая контрабанда и т.п.). Среди индивидуальных проектов следует отметить исследование феномена дачи и ее роли в экономике самообеспечения у представителей разных социальных сред (Ирина Чеховских), изучение попрошайничества как экономической среды (Мария Кудрявцева) и некоторые другие. Особо я хотел бы отметить направленный исключительно на исследование микроэкономических аспектов неформальной экономики проект Эллы Панеях, в основу которого легло длительное участвующее наблюдение в среде нелегальных предпринимателей начала 90-х годов и доверенные интервью с ними же сегодня¹.

К сожалению, почти не существует других исследовательских проектов, направленных, благодаря использованию участвующего наблюдения, на реальное объяснение происходящих с людьми перемен, на понимание их жизненных сценариев и поведенческих стратегий. Лишь один пример такого рода широко известен (хотя его значение недостаточно осознанно и оценено) – гигантская работа исследовательского коллектива во главе с Теодором Шаниным над проблемами сельской России.

Мы должны заставлять себя постоянно сомневаться в кажущихся очевидных вещах, подвергать сомнению адекватность привычных методов исследования, обсуждая новые исследовательские подходы и предлагая новые исследовательские идеи. Воздержание от веры в реальность как

¹ Большинство упомянутых проектов еще не завершено, поэтому опубликованных текстов сравнительно немного (Панеях Э. 1999; Чеховских И. 1997. С. 112–116; Она же. 1999; Бредникова О. 1999. Р. 153–165; Бредникова О., Паченков О. 1999). Осенью 1999 г. предполагается публикация сборника статей об этническом предпринимательстве в российских городах по итогам завершеного исследования, где значительное место занимает социологический анализ процессов в неформальной экономике.

социальных фактов данных статистики и массовых опросов может стать первым шагом в этом направлении от явно бесплодной дискуссии о российской трансформации.

Вите О. (1996). Избиратели – враги народа? (Размышления об адекватности электро-рального поведения и факторах на ее уровень влияющих) // Этика успеха. 1996. № 9. На руси живется лучше, чем считается (интервью с Игорем Бирманом) // Известия. 1997. 4 дек.

Панеях Э. (1999). Скрытая безработица и теневая занятость // Сборник докладов Второго семинара преподавателей социологии труда. СПб.: СПбГУ, 1999.

Перова И., Хахулина Л. (1997). Неформальная вторичная занятость: Масштабы, структура // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1997. № 6

Перова И., Хахулина Л. (1998). Оценка доходов от незарегистрированной дополнительной занятости // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1998. № 3.

Чеховских И. (1997). Особенности экономического поведения людей в неформальной экономике // Социально-экономические вопросы становления рыночных отношений. СПб.: СПбГУЭиФ, 1997.

Чеховских И. (1999). Трансформация экономического поведения в неформальной экономике: Садоводческий участок (дача) // Сборник докладов Второго семинара преподавателей социологии труда. СПб.: СПбГУ, 1999.

Бредникова О. (1999). Smuggled Ethnicity and "Other" Russians // Curtains of Iron and Gold. Reconstructing Borders and Scales of Interaction. Adlershot / Ed. H.Eskelinen, H.Liikanen, J.Oksa. Ashgate, 1999.

Бредникова О., Паченков О. (1999). Economic Migrants from Azerbaidjan in St.Petersburg: Problems of Adaptation and Integration // Caucasian Regional Studies. 1999. Vol. 4. N 3 (<http://poli.vub.ac.be/>).

Voronkov V. (1998). The Corruption of Statistics // Transition. 1998. N 5.